

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ КАК ВЫРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

ПОДСТРАХОВА Анна Владимировна

кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин

БИРЮКОВА Екатерина Валерьевна

студент факультета права

Владимирский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации»
г. Владимир, Россия

На материале английской юридической терминологии обосновывается теоретическая и прикладная актуальность изучения языка права с учетом культурно-исторической и национальной специфики конкретных правовых систем. Освоение языка права рассматривается в русле юрислингвистики как области междисциплинарных гуманитарных исследований. На конкретном языковом материале показана роль культурно-исторического контекста в понимании и переводе юридических терминов современного английского языка.

Ключевые слова: язык права, юридический дискурс, правовая культура, межкультурная и межъязыковая коммуникация, иностранный язык в сфере юриспруденции, переводческая компетенция.

Правовая культура, как разновидность духовно-материальной культуры и совокупность юридических ценностей [4, с. 8], является предметом исследований многих гуманитарных дисциплин. Одним из важнейших аспектов изучения феномена правовой культуры является исследование культурно-исторической специфики способов выражения юридических норм, традиций, национального менталитета. С позиций этого подхода правовая культура – это часть национального наследия, активно используемого и развиваемого современным поколением граждан [1, с. 16].

Правовые традиции, категории и понятия закрепляются в юридических документах, написанных с соблюдением определенных языковых норм. Изучение взаимодействия языка и права, критический анализ и обобщение большого эмпирического материала на примере многих национальных правовых систем и языков привело к созданию в конце XX в. специальной науки – юрислингвистики. Сегодня, когда научные исследования стали носить ярко выраженный междисциплинарный характер, юрислингвистика привлекает внимание все большего числа исследователей – юристов, лингвистов, философов, психологов, историков, культурологов,

социологов. Кроме того, интерес к юрислингвистике существенно возрос параллельно с развитием лингвистики текста и исследованиями юридического дискурса как сложного коммуникативного явления, включающего, помимо собственно письменного или устного текста, экстралингвистические факторы (цели создания текста, характеристики его авторов, историко-культурный контекст, в котором создается и функционирует письменный или устный текст). Среди актуальных направлений юрислингвистики следует отметить следующие: регулирование проблем государственного языка и языка межнационального общения; разрешение конфликтов, связанных с использованием языка в манипулятивных целях; функционирование языка права как элемента законотворческой деятельности и толкования законов; проведение судебной и следственной лингвистической экспертизы; терминологическое, переводческое и лексикографическое обеспечение юридической деятельности [3, с. 21].

Степень погружения в юридический дискурс может быть разной для юристов, работающих в области правоприменительной и законотворческой деятельности; переводчиков-экспертов, обеспечивающих адекватность перевода юридических документов

или студентов, получающих юридическое образование и изучающих язык права на родном и иностранном языках. В любом случае в основе лежит изучение юридической терминологии как выражения национальной правовой культуры, а также формирование навыков ее корректного использования и интерпретации [8, с. 5].

Для целей данной статьи отобраны и изучены с учетом культурно-исторических факторов некоторые юридические словосочетания, используемые в языке права Великобритании и США. Используя методы лексикографического и контекстуального анализа терминологических единиц, в статье делается попытка пояснить выбор переводчиками-профессионалами вариантов перевода терминов, отобранных из английских юридических текстов и некоторых российских и зарубежных университетских учебных пособий по английскому языку для студентов-юристов [2; 5; 7; 8]. Реализуя лингвометодические задачи преподавания иностранных языков в юридическом вузе, авторы развивают идею о том, что введение культурно-исторического аспекта в изучение юридической терминологии способствует более осознанному освоению студентами английского языка права, повышению их общего уровня культуры и качественной профессиональной деятельности.

Английский язык в сфере юриспруденции является интересным объектом исследования в силу многих причин. Во-первых, он является национальным языком во многих странах, в каждой из которых язык права имеет свои особенности. Распространяясь по миру, английский язык приобретает специфические национальные черты и отражает правовую культуру тех регионов, где становится языком межнационального общения. Таковы, например, черты языка права в США, по сравнению с британским вариантом английского языка права. Во-вторых, исторически сложились и действуют до сих пор свои системы права в Англии и Уэльсе, с одной стороны, и в Шотландии – с другой. Наконец, глобализационные процессы, сделав английский язык языком международного общения, породили такие варианты языка права, которые стали инструментом международной

правовой коммуникации в ООН (UN Legal English) и его структурах (Всемирная организация здравоохранения, ЮНЕСКО), Евросоюзе и Совете Европы (European Legal English), многочисленных международных экономических, гуманитарных и военно-политических организациях. В результате специфической чертой английского языка права является неоднозначное понимание одних и тех же юридических терминов, функционирующих в разных правовых системах, наличие калек и собственно заимствований из других языков, терминов-синонимов.

Истоки особенностей английского языка права следует искать в его давней истории. На протяжении более 950 лет английский, французский и латинский языки соперничали друг с другом за первенство в области права. К моменту завоевания Англии франко-говорящими норманнами в 1066 г., английский язык в письменной и устной формах использовался в сферах права и государственного управления. С другой стороны, статус латыни как письменного языка права был очень высок в средневековой Европе, и до вплоть до 1731 г. все юридические документы в Англии составлялись на латинском языке [7, с. 4]. Однако латынь с трудом могла использоваться в устном юридическом дискурсе уже в XI-XII вв., поэтому Вильгельму Завоевателю и его последователям пришлось решать, на каком языке должны были вестись заседания судов, оглашаться приговоры и осуществляться прочие юридические процедуры – на французском, родном языке королевского двора, или на английском, языке коренного населения Англии.

Так, в юридических спорах, потерпевший (истец) и обвиняемый (ответчик) могли излагать суть дела по-английски. При рассмотрении дел и вынесении соответствующих решений использовался французский язык; окончательно в письменном виде они закреплялись на латыни, а далее, чтобы довести судебные решения до заинтересованных сторон, приходилось снова прибегать к обратному переводу юридических текстов с латыни и французского на английский. Зная эти исторические обстоятельства и изучая конституционное право зарубежных стран, сту-

денты понимают, почему такой важнейший для мировой правовой культуры документ, как английская «*Magna Carta*» («Великая хартия вольностей») XIII в., написана именно на латинском языке.

Начиная с XVI в. в правовых системах Англии и Шотландия сохраняются существенные различия, в том числе – терминологические. Шотландия взяла за основу своей правовой системы римское право (*Roman law*), в отличие от Англии, где правовая традиция восходит к средневековому общему праву (*Common law*), давшему начало системе англо-саксонского права, позднее заимствованному правовой системой США. Это следует знать юристам, работающим с оригинальными англоязычными текстами. Так, до сих пор существует исторически обусловленный параллелизм терминов: *test – will* (завещание), *security – mortgage* (оплата, ипотека) [7, с. 15-16].

Приведенный краткий исторический экскурс позволяет лучше понять значение современных юридических терминов и, соответственно, подобрать их русскоязычные эквиваленты. Так, одной из характерных особенностей английского языка права является использование в юридическом значении слов из нейтрального пласта лексики: например, *hand* – «подпись», а не «рука», а *infant* – «несовершеннолетний», а не «ребенок», *prayer* – «официальное обращение в суд», а не «молитва», *instrument* – «юридический документ», а не «инструмент». Еще интереснее случаи, когда необходимо понять термин-словосочетание: *dying declaration* – «предсмертное заявление», а не «декларация, утратившая силу»; *citizen's arrest* – «задержание нарушителя гражданским лицом», а не арест гражданина; *orphan's court* – «суд по делам о наследстве», а не «суд по делам сирот»; *game law* – «закон об охране дичи и правилах охоты», а не «закон об игорном бизнесе»).

В английском языке права нередки случаи многозначности терминов, например, *domestic law* может означать «семейное право» или «национальное право» (в противоположность международному праву). Интересны случаи современного использования французских слов, вышедших из употребления в самом французском языке: *tort, tort law*

– «деликт, деликтное право», *indictment* – «обвинительный акт», *voire dire* – «предварительный допрос свидетеля», *verdict* – «приговор, вердикт», *lien* – «залог».

Несомненный интерес представляют терминологические словосочетания, в составе которых есть имя собственное. Рассмотрим три классических случая на примере правовой культуры США, относящихся к различным хронологическим периодам: *Lynch law*, *Jim Crow laws*, *Miranda warning*, которые переводятся на русский язык как «законы Линча, законы Джима Кроу, правило Миранды». Такой перевод не является информативным и требует знания исторического контекста появления этих терминов. Фактически эти и подобные примеры можно воспринимать как своего рода фразеологические единицы в силу десемантизации одного из компонентов словосочетания.

Термин «суд Линча» и обозначающее его явление возникло в США в период Гражданской войны Севера и Юга, во второй половине XIX – начале XX вв. Со временем в значении этого словосочетания, естественно, не сохранилась точная отсылка либо к полковнику Чарльзу Линчу, либо капитану Уильяму Линчу, которые были участниками Гражданской войны. Причем, исторически установлено, что ни тот, ни другой Линч не казнил людей и не преследовал их по расовому признаку (<https://anews.com/novosti/118705024-sud-lincha-i-linchevanie-chto-znachit-i-otkuda-poshlo-jeto-vyrazhenie.html>). Однако в более позднем, вплоть до настоящего времени, употреблении это словосочетание предполагает самосуд толпы, бессудную казнь подозреваемого за нарушение законов или обычаев. В настоящее время «суд Линча» как расправа толпой над подозреваемым без суда и следствия существует в ряде стран, таких как ЮАР, Гватемала, Бразилия, где высок уровень преступности при недоверии населения к полиции и судам.

Не менее интересен другой пример, также относящийся к истории США, к периоду сегрегации темнокожего населения в южных штатах – «*Jim Crow laws*» (серия юридических предписаний, закреплявших расовую сегрегацию в южных штатах США в период с 1870-х до 1950 гг.). На первый взгляд может пока-

заться, что имя собственное Джим Кроу – это, как в первом примере, имя человека, который причастен к созданию неких юридических норм. Однако, история возникновения этого термина совершенно иная. Джим Кроу – герой народной песни «Jump, Jim Crow», которая была популярна в США в начале XIX в., в исполнении ее автора Т.Д. Райса, а позднее – актера Д. Джефферсона, который, специально наносил угольную краску на свое лицо, изображая негра, и тем самым выражая презрительное отношение к темнокожим американцам (<https://www.britannica.com/story/what-is-the-origin-of-the-term-jim-crow>). Так возникла ассоциация между сценическим образом актера и серией законов, закрепляющих разделение белых и темнокожих американцев и узаконивающих расовое неравенство в США.

Примером из недавней истории США, который, как классический случай, вошел во все учебники по уголовному правосудию и хорошо известен широкому числу американцев, является сочетание *Miranda warning* («правило Миранды») – законодательно закрепленное выражение прав подозреваемого иметь адвоката на всех этапах уголовного расследования. Но сегодня мало, кто помнит конкретное уголовное дело 60-х гг. XX в., дошедшее до американского Верховного суда и закончившееся оправдательным приговором преступнику Эрнесто Миранде, который признал свою вину, но не имел возможности воспользоваться услугами адвоката в процессе уголовного расследования.

Большой интерес вызывают случаи перевода юридических терминов, имеющих аналоги в русском языке и потому, на первый взгляд, не представляющих трудностей для понимания и перевода. Однако за сходством формы часто кроются существенные юридические различия в содержании. Например, часто употребляемое слово *peace* («мир») является компонентом юридических терминов «*Justice of the peace*» и «*peace officer*». Если в первом случае легко догадаться, что речь идет о «мировом судье», то во втором – «сотрудник правоохранительных органов», как вариант перевода, может вызвать удивление, хотя общие черты в деятельности

судьи низшей инстанции и полицейского найти можно. Это «поддержание мира и спокойствия в обществе» и «разрешение конфликтных ситуаций, примирение конфликтующих сторон в юридическом споре». При сходстве исполняемых функций, английский «*Justice of the peace*» – это престижная общественная должность; лицо, которое ее занимает, не является профессиональным юристом, пользуясь помощью юриста-консультанта при вынесении решений по юридическим спорам, и не получает платы за свою работу. Напротив, в русском языке «мировой судья» – это профессиональный юрист с высшим образованием, не моложе 25 лет и имеющий не менее 5 лет юридического стажа.

В заключение следует отметить, что об актуальности современных исследований юрислингвистики свидетельствует, по крайней мере, два обстоятельства. С одной стороны, в программах отечественного лингвистического образования, как, например, в Московском государственном лингвистическом университете, востребованы направления подготовки переводчиков-экспертов, работающих в области права. Их роль чрезвычайно велика в процессе межкультурной и межъязыковой коммуникации. Именно письменные и устные переводчики, имеющие высокий уровень языковой компетенции и одновременно обладающие юридическими знаниями, позволяют предотвращать коммуникативно-когнитивные провалы общения юристов, говорящих на двух различных языках. Это важно при составлении и экспертизе международных юридических документов, соглашений, ведении и переговорах.

С другой стороны, студенты юридических факультетов и вузов в процессе обязательного изучения дисциплин «Иностранный язык», «Иностранный язык в сфере юриспруденции», а также ряда элективных и факультативных курсов приобретают навыки вдумчивой работы с юридическим дискурсом, что способствует повышению уровня общей и речевой культуры и формированию навыков исследовательской работы, как обязательного компонента высшего юридического образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алейникова Д.В.* Методика обучения юристов межкультурному профессиональному общению в условиях коллизии правовых культур (английский язык, магистратура): автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 2019. – 30 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/metodika-obucheniya-yuristov-mezhkulturnomu-professionalnomu-obshcheniyu-v-usloviyakh-kolliz> (дата обращения 20.02.2021).
2. Английский язык для юристов: учебник для бакалавриата по направлению «Юриспруденция» / отв. ред. Н.Ю. Ильина, Т.А. Аганина. – М.: изд-во Проспект, 2012. – 295 с.
3. *Грищенко Ю.А.* Актуальные вопросы юрислингвистики как новой области современных междисциплинарных исследований // Актуальные вопросы современной юрислингвистики // Ярославский педагогический вестник. – 2005. – № 1. – С. 20-24.
4. *Карташов В.Н.* Правовая культура: понятие, структура, функции: монография / В.Н. Карташов, М.Г. Баумова; редкол.: В.Н. Карташов [и др.]; Ярославский гос. ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль, 2008. – 200 с.
5. *Подстрахова А.В.* Уголовное правосудие в действии. Criminal Justice in Action: сб. текстов и заданий на англ. яз. / А.В. Подстрахова. – Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2016. – 148 с.
6. *Славова Н.А.* Правовая культура: понятие и функции // Вестник волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2020. – № 1, том 1. – С. 48-55. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-kultura-ponyatie-i-funktsii/viewer> (дата обращения 27.02.2021).
7. *Holdsworth J.L.* English Legal Language and Terminology. – 56 p. – URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/37500381/?page=1&> (дата обращения 19.02.2021).
8. *Michaels R.* Legal Culture // Oxford Handbook of European Private Law. Basedow, Hopt, Zimmermann eds., 2007. – Oxford University Press. – URL: <https://www.researchgate.net/publication/294430907> (дата обращения 21.02.2021).

**LEGAL TERMINOLOGY AS AN EXPRESSION
OF THE NATIONAL LEGAL CULTURE****PODSTRAKHOVA Anna Vladimirovna**

PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Social Studies and Humanities

BIRYUKOVA Ekaterina Valerievna

student of the Faculty of Law

Vladimir branch of The Russian Academy of National Economy and
Public Administration under the President of the Russian FederationVladimir, Russia

Based on the material of English legal terminology, the theoretical and applied relevance of studying the language of law is substantiated, in terms of the cultural, historical and national features of particular legal systems. The acquisition of the language of law is considered in the mainstream of jurisdiction as an area of interdisciplinary humanitarian research. Using the studied examples, the paper demonstrates the role of the cultural and historical context in understanding and translating English legal terms.

Key words: language of law, legal discourse, legal culture, intercultural and interlingual communication, foreign language in the field of jurisprudence, translation competence.
